

НЕКОДИФИЦИРОВАННАЯ ЛЕКСИКА РУССКОГО ЯЗЫКА В ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ (на материале региональной прессы)

Особенностью функционирования русского литературного языка современности является его активное взаимодействие с неcodифицированной (внелитературной, субстандартной) лексикой, обнаруживаемое также и в языке средств массовой информации.

Для обозначения основных составляющих компонентов данного пласта лексики обычно используют термины *просторечие*, *жаргон*, *арго* и *сленг*. Вместе с тем, следует отметить, в современной русистике до сих пор сохраняется известная терминологическая неустойчивость в разграничении таких понятий, как *арго*, *жаргон* и *сленг*. Проблема терминологии, связанная с употреблением этих слов, находится в диапазоне от абсолютной их синонимичности до многозначности каждого из них. В частности, в русской лингвистической традиции термин *жаргон* нередко используется расширительно, для обозначения не только собственно жаргона, но также *арго* и *сленга*. В свою очередь термин *арго* одни считают более узким, употребляя его для обозначения одной из разновидностей жаргонов – жаргона преступного мира. Другие понимают его как «тайноречие», имея в виду не только

воровской жаргон. В третьем случае термины *жаргон* и *арго* употребляются как равнозначные. Номинацию *сленг* в лингвистике подчас используют как полный синоним (дублет) к термину *жаргон* и считают лишь результатом моды и позднего воздействия англоязычной культуры. Однако, несмотря на сохраняющийся терминологический разнобой, общим для данной совокупности лексических единиц является то, что это нелитературная лексика, т.е. слова и сочетания, которые с точки зрения требований современной литературной нормы находятся за пределами литературного языка. Использование такой лексики является нарушением литературной нормы, ее включение в письменный текст, в том числе и газетный, как правило, оценивается негативно. Подобные оценки неcodифицированных единиц в литературной речи преобладают и, надо сказать, имеют под собой серьезные основания, поскольку их избыточное и прагматически немотивированное использование влечет за собой вульгаризацию публичной речи. Однако исключительно негативная оценка функционирования такого рода слов в газетных текстах часто входит в противоречие с реальной языковой практикой. Например, А.П. Сковородников, рассматривая употребление жаргонизмов в языке газетной публицистики, отмечает: «Так, вряд ли можно упрекнуть в отсутствии речевой культуры журналиста, который, не теряя чувства меры, использует такого рода слова с целью достижения выразительного эффекта» [1, с. 13]. Сходного мнения придерживается Е.И. Беглова, которая считает, что «наличие в газетном тексте активно используемых неcodифицированных средств – это не отражение "порчи" языка, а, скорее, уже норма печатного текста» [2, с. 72]. Отмеченные тенденции в употреблении неcodифицированной лексики находят отражение и в языке газет г. Могилева. Анализ лексического материала показывает, что журналисты создают разные по коммуникативно-прагматической установке тексты, рассчитанные как на интеллектуального адресата, так и на массового читателя. Для достижения успеха в воздействии на такого адресата используются самые разнообразные языковые средства, в том числе и неcodифицированные.

Прежде всего обращает на себя внимание тематическая обусловленность такого рода слов в газетном тексте. Так, слова из профессиональных и социальных жаргонов могут встречаться, например, в криминальных сводках: *Возможно, эти злодеяния так и остались бы «глухарями», если бы не сознательность старшеклассников, выследивших вора и сообщивших о нем участковому инспектору милиции (Могил. правда, 23.10.09), В деревне Бороньки Костюковичского района 51-летний водитель автомобиля «Ваз-2107» не справился с управлением и вырулил на «встречку», где и произошло столкновение с автобусом «ПАЗ» (Веч. Могилев, 29.08.09); в спортивных обзорах: Но уже через полминуты после первых двух штрафных Ковалева,*

двушки Шустова и трешки Агеенко наши превратили 0-6 в 7-6 и больше «республиканцев» близко не подпускали (Весн. Магілева, 01.02.11), Треха Агеенко, выстрел Шустова, еще один дальний Рыхлюка – 32-34 (Весн. Магілева, 18.02.11); в статьях о молодежи и для молодежи: Клубиться лучше в столице (МВ, 10.04.10), Каждая «общажная» комната оборудована для выхода в Интернет (Могил. правда, 29.07.09); Молодежь понимает: нигде «предки» не денутся – выпускной-то раз в жизни (Могил. правда, 28.05.10).

В использовании некодифицированной лексики может обнаруживаться ориентация журналиста на массового читателя, его стремление к реалистичности, желание отразить доминирующее в обществе словоупотребление. В этом случае часть просторечий и жаргонизмов в силу своей большой воспроизводимости утрачивает присущую им экспрессивность и эмоциональность и употребляется в номинативной функции, обозначая новые, специфические реалии и явления современной действительности: Как земляки чуть не приступом пытались взять «обменники», чтоб разжиться сотней долларов (Могил. правда, 18.03.11), А вот по городу лучше ходить с наличкой (Могил. правда, 08.04.11), Пока мы раскачаем и выпустим белорусские «мобилы» по технологиям-2006, мир снова уйдет вперед от айфонов к чему-нибудь покруче (Могил. правда, 01.04.11), Может, проще снести «хрущевку», построить на ее месте современную многоэтажку (Могил. правда, 19.11.10), Минималку опять повысят (Могил. правда, 22.10.10).

Обычно журналист в своих публикациях выступает не пассивным регистратором событий, но как активный их участник, поэтому использование некодифицированной лексики как заместителей литературных слов связано с фигурой автора, его взглядами, с теми задачами, которые он стремится решить посредством своих статей. В следующих примерах эмоционально-экспрессивный заряд некодифицированной лексики используется для усиления негативной оценки описываемых фактов, одновременно при ее включении в текст журналист демонстрирует и свою позицию: Вспоминаете, как после теракта в Домодево хозяева окрестных кафешек без зазрения совести вздули цены на «минералку», а таксисты-«бомбилы» – на проезд до Москвы (Могил. правда, 18.03.11); Но тут на стадион в Могилев пришли торгаши, сектор для прыжков уничтожили (МВ, 23.03.10). В других случаях использование некодифицированных слов может придавать излагаемому материалу ироническую окраску, экспрессивность, намеренно снижая впечатление читателя от описываемых событий и персонажей: Есть молодые барышни, которые, не очень себя утруждая, нашли так называемых «папиков», ездят на крутых машинах (Веч. Могилев, 13.10.10).

Вместе с тем, надо признать, в ряде публикаций журналисты в раскрытии темы проявляют излишнюю, не всегда оправданную предметом

описания эмоциональность: *Короче, киты-касатки на лето отправляются в определенный район Северного Ледовитого океана. Пожрать, поспать* (МВ, 12.01.10). Неуместно, на наш взгляд, использовать сниженную лексику по отношению к лицам авторитетным, требующим более сдержанного отношения: *А один белорусский доктор наук и вовсе недавно брякнул: Грюнвальдская битва помогла Беларуси прорубить окно в Европу!* (Могил. правда, 16.07.10).

В целом, следует отметить, функционирование некодифицированной лексики рассмотрено на региональном материале еще недостаточно полно и всесторонне. Вместе с тем очевидно, что подобные слова представляют несомненный интерес для филологов, поскольку их изучение – один из способов нормализации употребления такой лексики в языке СМИ, в том числе и в газетных текстах.

Литература:

1. Сковородников, А.П., Копнина, Г.А. Выразительные средства языка газетной публицистики / А.П. Сковородников, Г.А. Копнина // Журналистика и культура русской речи. – 2004. – № 1. – С. 11-21.
2. Беглова, Е.И. Pro-et contra: жаргонная лексика в языке современных газет / Е.И. Беглова // Русский язык в школе. – 2007. – № 5. – С. 71-74.